

Б.М. Пудалов

К ИСТОРИИ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ (О предполагаемом месте составления списка 1377 г.)

В изучении Лаврентьевской летописи, наряду с важнейшими историческими проблемами, актуальным остается вопрос о месте создания самого памятника 1377 г. (рукопись РНБ, ОСРК, Ф.п.IV.2). Решение этого вопроса имеет не только краеведческое, но и филологическое значение, так как позволит локализовать языковые особенности Лаврентьевского списка, сделать выводы о местной книгописной школе.

Как известно, переписчик летописи монах Лаврентий, именем которого принято обозначать памятник в научной и популярной литературе, сообщил в выходной-именной записи о написании им книги с 14 января по 20 марта 1377 г., по благословению епископа Дионисия Суздальского и Нижегородского и Городецкого великому князю Дмитрию Константиновичу – но не указал место своей работы.¹ Тем самым ученым было оставлено обширное поле для предположений. К настоящему времени существует несколько точек зрения о месте создания Лаврентьевской летописи. Традиционно принято считать, что она была переписана в Нижнем Новгороде, где в то время находились и столица княжения Дмитрия Константиновича, и фактически кафедра епископа Дионисия. Поэтому здесь логично предполагать центр летописания – тем более, что внимание Лаврентьевской летописи к истории «Новагорода на усть Оки» (особенно начального периода, 1221-1229 гг.) общеизвестно. В.Л.Комарович, опираясь на текстологический анализ летописной похвалы кн.Юрию Всеволодовичу под 6747 (1239) г., местом составления летописи считал Нижегородский Благовещенский монастырь, а самого Лаврентия – монахом этого монастыря². Историк-краевед А.И.Елисеев, напротив, считал местом работы Лаврентия Печерский монастырь, так как именно эту обитель основал и возглавлял до поставления на кафедру Дионисий, благословивший труд переписчика³. Эту точку зрения без дополнительной аргументации приняли многие нижегородские краеведы⁴. А.Н.Насонов на основании тех же

¹ ПСРЛ. Т.I. Изд.2-е. М., 2001. Стб.487-488. Комментированную публикацию записи Лаврентия см., например: Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI-XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С.354-357.

² Комарович В.Л. Литература Суздальско-Нижегородской земли XIV в. // История русской литературы. Т.II. Ч.1. М.-Л., 1945. С.93.

³ Елисеев А. Рассказы о родном городе. Горький, 1958. С.23.

⁴ См., например: Нижегородский край. Факты, события, люди. Н.Новгород, 1994. С.33 (автор раздела – Н.Ф.Филатов).

соображений полагал, что Лаврентий был монахом Печерского монастыря, но местом его работы считал Владимирский Рождественский монастырь, упомянутый во владельческой записи на л.1 Лаврентьевской летописи. Теоретически же А.Н.Насонов допускал возможность ведения нижегородского летописания в трех крупных духовных центрах, упоминаемых в известиях XIV-начала XV в. – Благовещенском и Печерском монастырях, Спасо-Преображенском соборе⁵.

Н.Д.Русинов, будучи убежденным сторонником нижегородского происхождения рукописи Лаврентия, постарался указать лингвистические данные в пользу этой точки зрения. Он также привел версии о Благовещенском и Печерском монастырях Нижнего Новгорода как наиболее вероятных местах написания памятника, но не отдал предпочтения ни одной из версий, вероятно, считая недостаточными аргументы в пользу каждой из них и не видя возможностей поиска дополнительных фактов⁶. К сожалению, лингвистические данные для обоснования нижегородского происхождения Лаврентьевской летописи неубедительны, так как отсутствуют надежные источники для идентификации местных языковых особенностей XIV в. А без этого есть риск остаться в пределах пресловутых «общих соображений», на которые всегда найдутся другие «соображения», ничуть не менее «общие»⁷.

В 1987 г. в докладе на чтениях, организованных в Горьком (Нижнем Новгороде) отделом древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Н.Д.Русинов попытался проанализировать внешние особенности Лаврентьевской летописи для доказательства ее нижегородского происхождения⁸. Но здесь ученого подстерегали два «подводных камня»:

⁵ Насонов А.Н. История русского летописания XI-начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С.169, 176-178, 199-201.

⁶ Русинов Н.Д. К вопросу о происхождении Лаврентьевской летописи. (Лингвистически заметки о ее писцах) // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Горький, 1981. С.5-6. Ср.: Орлова Р.И., Черторицкая Т.В. Земля нижегородская: Пособие по изучению историко-культурного наследия родного края для учителей средних школ и ПТУ. Горький, 1988. С.13 («монах одного из нижегородских монастырей»). Составители новейшего издания «Наш край (книга для учащихся школ, гимназий и лицеев)» (изд.6-е. Н.Новгород, 2011) также отмечают лишь создание Лаврентьевской летописи в Нижнем Новгороде (с.73, автор – В.П.Макарихин), но не конкретизируют возможное место ее написания.

⁷ Типичный пример таких высказываний – мнение Н.Н.Дурново о создании Лаврентьевской летописи в Суздале (Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969. С.72. № 137). В самом деле: Суздаль – номинальный центр епархии Дионисия, а князь Дмитрий Константинович – из династии Рюриковичей суздальских... Вероятно, из-за отсутствия прямых указаний источников автор сводной статьи о Лаврентьевской летописи Я.С.Лурье вообще не стал рассматривать вопрос о месте написания памятника (См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI-первая половина XIV в. Л., 1987. С.241-245).

⁸ Опубликовано: В памяти Отечества. Материалы научных чтений (Горький, 31 мая – 5 июня 1987). Горький, 1989. С.133-145.

1). Владельческая запись почерком XVI-первой половины XVII в. «Книга Рожественсково монастыря Володимерскаго» (л.1). Запись указывает на монастырь Рождества Богородицы во Владимире-на-Клязьме – кафедральный митрополитов всея Руси во второй половине XIII-начале XIV в., главную монашескую обитель Великороссии до XVI в. Н.Д.Русинов озадачился вопросом, «в каком именно из монастырей с указанным названием» хранилась Лаврентьевская летопись, выдвинул предположение, что имелась ввиду обитель в другом населенном пункте с названием «Владимирский», а затем перечислил возможных «претендентов» на территории Нижегородского края - в Балахне, Лыскове, Оранках. В итоге ученый сделал вывод о том, что летопись «никуда за пределы Нижегородского Поволжья... не удалялась и попала в какой-то из местных монастырей»⁹.

Неубедительность и явная надуманность данного вывода была тогда же отмечена Г.М.Прохоровым в прениях по докладу Н.Д.Русинова. Действительно, для XVI-XVII вв. (не говоря о более раннем периоде) наименование «Рожественсково монастыря Володимерскаго», без дополнительных уточнений, однозначно указывает на совершенно конкретный монастырь в г.Владимире-на Клязьме¹⁰. Нижний Новгород тут ни при чем.

2) Читательская запись скорописью XVII в. (Н.Д.Русинов датировал почерк серединой-второй половиной столетия): «А сю книгу прознаменовал Олекъсей Федоров сын Зубатого писал и сам над нею сидел» (л.173). Пытаясь установить личность автора записи (судя по указанию имени и отчества наряду с фамильным прозвищем – наверняка «служилого по отчеству»), ученый указал архивные источники о хорошо известных нижегородских землевладельцах Зубатых (Зубатовых) и сделал вывод, что Алексей – один из них, и что это косвенное указание на нижегородское происхождение Лаврентьевской летописи. Однако конкретного Алексея Федорова сына Зубатого среди представителей этого рода - кстати, хорошо документированного, - нет! Н.Д.Русинову пришлось задать самому себе вопрос и самому на него ответить: «Почему в сохранившихся нижегородских деловых документах XVII в. не найдено упоминаний Алексея Федоровича Зубатого? Может, еще найдутся»¹¹.

Однако оппоненты (в том числе В.П.Бударагин и автор этих строк) поставили вопрос по-иному: может ли докладчик гарантировать, что в других

⁹ Там же, с.136, 138.

¹⁰ Ср., например, владельческую помету на вкладной книге 1685 г.: «Сия книга именуемая вкладная Владимирскаго Рождественнаго монастыря».

¹¹ Русинов Н.Д. К истории Лаврентьевской летописи..., с.135, 138-140. Здесь же ученый вдумчиво «примеряет» автора приписки в сыновья к различным нижегородским Зубатым - то к Федору Ивановичу, то к Богдану Михайловичу, и так до 1690-х гг.! Но источник сопротивляется такому произволу: в перечне детей предполагаемых нижегородских «отцов» сына Алексея нет.

уездах не было землевладельцев (служилых людей) с фамилией-прозвищем «Зубатые»? Ведь в этом случае Алексея Федоровича придется искать среди них, так что нижегородская версия происхождения Лаврентьевской летописи опять «зависает». Видимо, желая ответить оппонентам, Н.Д.Русинов при публикации доклада сделал сноску 38 в самом конце статьи: «Как будто можно бы еще предположить, что искомый Алексей Федорович был не из нижегородских, а из каких-то других Зубатых (Зубатовых). Так, его можно бы искать в среде новгородцев... или в числе жителей тех уездов, которые позднее вошли в Ярославскую губернию... Но сохранившиеся родословцы и деловые акты, относящиеся к нинегородским Зубатым (Зубатовым), даже косвенно не указывают, что среди этих Зубатых (Зубатовых) в XVII в. был какой-либо подходящий Алексей – Федоров сын»¹².

Процитированное утверждение оказалось не только голословным, но и ошибочным: Алексей Федорович «нашелся» среди Зубатых (Зубатовых) – служилых детей боярских Костромского уезда. Как выяснилось в ходе изучения костромских десятен, Алексей и его брат Иван Федоровичи Зубатые были записаны в 1602 г. в костромской выбор с окладами по 300 четей. При этом Алексей Зубатый хоть и не был коренным костромичом, а происходил действительно из нижегородцев (его брат Тимофей владел поместьями в Нижегородском уезде), но умер все-таки костромским дворянином, и произошло это между 1606-1616 г.¹³ Указанная дата позволяет скорректировать датировку самой записи: не середина-вторая половина, а начало XVII в. (или даже конец XVI в.?). А принадлежность А.Ф.Зубатого к «служилому городу» Костромы опять-таки не позволяет использовать его читательскую помету как доказательство нижегородского происхождения Лаврентьевской летописи.

Таким образом, вопрос о месте создания выдающегося памятника русского летописания по-прежнему нуждается в рассмотрении. Отсутствие прямых писцовых свидетельств не означает невозможность поиска и привлечения косвенных данных. По нашему мнению, для научной гипотезы о месте работы писца Лаврентия необходим комплексный анализ летописного текста и внешних особенностей рукописи. При таком подходе становится очевидным, что аргументы в пользу нижегородского или, например, владими́ро-суздальского происхождения Лаврентьевской летописи далеко не равноценны. Ведь на самом деле весьма шатким рассуждениям «о

¹² Там же, с.145. Здесь Н.Д.Русинов сослался на В.П.Макарихина, продолжавшего изучать генеалогию Зубатых. В докладе же, не найдя аргументированных доводов для оппонентов, Н.Д.Русинов ограничился некорректным замечанием о противоречиях между «столичными исследователями и нижегородскими патриотами».

¹³ См.: Лисейцев Д.В. Костромские выборные дворяне рубежа XVI-XVII веков // Российская история. М., 2013. № 6. С.111-128 (источники – в сноске 48). На время смерти А.Ф.Зубатого указывает упоминание источников под 1616 г. о поместье его вдовы Мавры с 10-летним сыном Василием (там же, с.120). О Тимофее Федорове сыне Зубатого, нижегородском помещике и брате А.Ф., см., например: Акты служилых землевладельцев XV-начала XVIII века. Т.III. (Сост. А.В.Антонов). М., 2002. С.116, № 136.

возможности» либо оброненным мимоходом замечаниям, на которых едва ли решились бы настаивать и сами их авторы, противостоят выводы В.Л.Комаровича, основанные на глубоких текстологических наблюдениях¹⁴.

Основное внимание В.Л.Комарович сосредоточил на анализе рассказа Лаврентьевской летописи о событиях 1237-1239 гг. и показал отличия этого рассказа от соответствующих известий в других летописных сводах. Отметив последовательное и весьма глубокое редактирование «Повести о нашествии Батыея» и книжно-составной характер «Похвалы князю Юрию Всеволодовичу», ученый сделал обоснованный вывод: «Задачу исторической реабилитации современник выполнил бы, конечно, иначе. Только у биографа из другой эпохи могло оказаться в распоряжении так мало подлинных фактов... Из всей «похвалы» ведь только вставку о строительной деятельности Юрия [то есть указание на основание Юрием Всеволодовичем Нижнего Новгорода. – Б.П.] можно признать за конкретный признак данного исторического лица... А все остальное – просто перенесенные на Юрия отвлеченные признаки чужих книжных характеристик». Такое же редактирование характерно и для всей «Повести о нашествии Батыея» в Лаврентьевской летописи: «переработка протографа... выразилась в переносе на скупое представленное там Юрия черт и признаков» ростовских князей Константина и его сына Василька, а также Андрея Боголюбского¹⁵. Все это доказывает пиетет перед Юрием Всеволодовичем составителя Лаврентьевской летописи, причина которого достаточно отчетливо выражена в «похвале»: «...Паче же Новьгород второй постави на Волзе усть Оки и церкы многы созда и манастирь святыя Богородица Новегороде»¹⁶.

Интересен и проведенный В.Л.Комаровичем анализ писцовой записи Лаврентия в списке 1377 г., в частности, упоминания о «великой пакости землям» от татар. В записи оговорено: «еже и zde [выделено В.Л.Комаровичем. – Б.П.] много зла створиша», намекающее, по мнению ученого, «на что-то вполне конкретное и недавно лишь происшедшее «зде», т[о] е[сть] там, где Лаврентий трудился». И далее автор делает обоснованный вывод: «Приписка эта, датируемая, как и вся рукопись, январем-мартом 1377 г., показывает, что Лаврентий писал летопись в Нижнем Новгороде: в

¹⁴ Комарович В.Л. Литература Суздальско-Нижегородской земли XIV в., с.90-93. Ср.: Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969. С.72. Будучи выдающимся лингвистом, Н.Н.Дурново специально не занимался проблемами происхождения Лаврентьевской летописи, - в отличие от В.Л.Комаровича.

¹⁵ Комарович В.Л. Литература Суздальско-Нижегородской земли XIV в., с.92. К сожалению, в цитируемой статье опубликованы посмертно лишь выводы автора; подробные текстологические сопоставления находились среди рукописей В.Л.Комаровича и были утрачены в блокадном Ленинграде. В настоящее время в печати находится статья А.А.Кузнецова, где на основе выявленных литературных источников «Похвалы Юрию Всеволодовичу» подтверждается вывод В.Л.Комаровича о том, что автор «похвалы» не был современником событий 1237-1239 гг.

¹⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб.468.

затяжной полосе татарских «пакостей землям» был около 1377 г. из трех городов епископа Дионисия только Нижний»¹⁷.

Наблюдения В.Л.Комаровича можно дополнить. Так, Лаврентьевская летопись содержит целый комплекс известий о «Новгороде на устье Оки», с момента основания города (1221 г.) и почти до монгольского нашествия – известий достаточно подробных и обнаруживающих неплохое знание местных реалий¹⁸. Последовательное включение в летописный свод сообщений, относящихся к Нижнему Новгороду и, шире, ко всему региону, именовавшемуся в то время «Городец и все по Волге», очень показательным и свидетельствует о несомненном внимании составителя к местным событиям¹⁹. Все это может служить еще одним косвенным свидетельством в пользу нижегородского происхождения Лаврентьевской летописи.

Наконец, заслуживает внимания несомненная близость к «нижегородским» известиям Лаврентьевской летописи некоторых сообщений, читающихся в сравнительно позднем летописном сборнике из собрания Большакова (РГБ. Ф.37. № 97)²⁰. Это рукопись последней трети XVII в.; в тексте есть характерные дониконовские элементы («Исус», «во веки веком»), так что составитель или кто-то из переписчиков мог быть старообрядцем²¹. Сборник состоит из нескольких частей (хотя список - не

¹⁷ Комарович В.Л. Литература Суздальско-Нижегородской земли XIV в., с.93.

¹⁸ Это известия под 6729, 6733, 6734, 6736, 6737 годами (ПСРЛ. Т.І. Стб.445, 447, 448-449, 450-451). Анализ этих летописных текстов, в сопоставлении с аналогичными текстами других сводов доказывающий первичность версии Лаврентьевской летописи, см.в нашей работе: Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII - первая треть XIII в.). Н.Новгород, 2003. С.124-165.

¹⁹ Примечательно, что составитель летописного свода, отразившегося в списке Лаврентия, старался упоминать Нижний Новгород даже там, где в этом не было необходимости. См., например, известие под 6764 г. (ПСРЛ. Т.І. Стб.474). Не исключено, что именно под влиянием владимирского великокняжеского летописания, отразившегося в Лаврентьевской летописи, составитель Софийской I летописи подчеркнул под 6770 г., что великий князь владимирский Александр Ярославич, возвращаясь больным из Орды и затем скончавшись в Городце, почувствовал себя особенно плохо в Нижнем Новгороде (см. ПСРЛ. Т.VI. Вып.1. М., 2000. Стб.338. Аналогично в Софийской I по списку Царского: ПСРЛ. Т.ХХХІХ. М., 1994. С.89). О наименовании региона «Городец и все по Волге» либо просто «Поволожье» в период, когда центром его был Городец-на-Волге, см. в нашей работе: Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Н.Новгород, 2004. С.211-212.

²⁰ Этот источник и его близость к сообщениям Лаврентьевской летописи кратко отметил Б.М.Клосс в предисловии к переизданию 1997 г. (ПСРЛ. Т.І. С.Н; в этой части издания принята пагинация латинскими буквами).

²¹ Тип письма и знаки бумаги подтверждают датировку, указанную в писцовой записи (1671 г.). Рукопись написана скорописью, несколько почерков; 20 строк на странице (л.274-309об. – 13-15 строк на странице); 388 лл. (нумерация библиотечная). Писцовая нумерация тетрадей не последовательна, видна до л.325 (л.310 – «41», киноварью); с л.326 – новая нумерация (л.349об. – «3»). Размер: 195x155 мм. На л.78 - диалектные черты: «Владимер Манамах сын Всеволожь внук Ярославль прамнук великого Володимира...». Художественные элементы: киноварь в инициалах и заглавиях.

конволют). Первая часть (л.1-175об.) представляет из себя компиляцию, восходящую к общерусскому летописному своду XV или XVI в., с прибавлением выписок из различных учительных книг. Для сопоставления с известиями Лаврентьевской летописи более интересна вторая часть (л.175об.-263об.), где помещен сильно сокращенный текст «Повести временных лет», которую продолжает краткий летописец, завершающийся известием о смерти Василия Темного. Далее следует роспись княжений, с кратким изложением событий правления, которая доведена до смерти Бориса Годунова (1605 г.). Затем сборник дополнялся выписками из требников и сборников морально-этического содержания. На л.325об. сохранилась писцовая запись: «Слава Совершителю Богу славимому в Троицы Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веком. Аминь. Писавшаго имя книги сея четверица четыре десятицею и осмориц и три сторицы сторицею и пятерица с осмерицею. Писана в Нижнем Новеграде в лета 7179-го году июня в [пропущено] де(нь)». Зашифрованное имя писца прочитывается без труда: «Дмитрей» (4 – 40 – 8 – 300 – 100 – 5 – 8). Важнее, однако, указание на то, что рукопись была написана в Нижнем Новгороде.

Сопоставление летописных известий о начальном периоде истории Нижнего Новгорода в сравнительно позднем «Большаковском сборнике» с Лаврентьевской летописью действительно обнаруживает их сходство. Так, Лаврентьевская летопись после похода Святослава на болгар (под 6728 г.) в следующей годовой статье сообщает о создании города: «В лето 6729. (...) Того же лета великий князь Гюрги, сынъ Всеволожь, заложи градъ на усть Оки, и нарече имя ему Новьградъ»²². А вот известие из второй части «Большаковского сборника»: «В лета 6728. Великий князь Георгий Всеволодичь посла брата своего Святослава с полки и с воеводами на болгары и взя град их Ошль и возвратишася с победою. По том же лете. Великий князь Юргий Всеволодичь заложи и град на усть Оки и нарече имя ему Новьгород»²³. Примечательно, что город здесь назван без уточнения «Нижний» (как в более поздних общерусских сводах XV-XVI вв.), что отражает более раннюю традицию его наименования. Сопоставления можно продолжать: еще более характерны текстуальные совпадения «Большаковского сборника» с Лаврентьевской летописью в известии под 6737 г. о нападении мордвы на Нижний Новгород и ответном походе²⁴. Данные факты приводят к выводу: составитель «Большаковского сборника»,

²² ПСРЛ. Т.I. Стб.445.

²³ РГБ, ф.37 (собр.Большакова), № 97, л.222. В первой части памятника под 6732 г. помещено известие, восходящее к иному источнику, вероятно, позднему краткому летописцу: «В лета 6732 князь великий Юрьи заложил Нижней Новгород на устье Оки реки» (там же, л.81об.).

²⁴ Там же, л.224. См. об этом: Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья..., с.148. Отметим также, что «Повесть о нашествии Батяя» помещена в «Большаковском сборнике» в редакции Лаврентьевской летописи (л.225-226об.).

работавший в Нижнем Новгороде, имел в своем распоряжении Лаврентьевскую летопись – если и не сам список 1377 г., то, во всяком случае, очень близкий к нему.

Таким образом, совокупность косвенных указаний, содержащихся в источниках, позволяет рассматривать версию о нижегородском происхождении Лаврентьевской летописи как научную гипотезу. В этом смысле не имеет большого значения, рассматривать ли Лаврентьевскую летопись как свод 1305 г., сохранившийся в списке (копии) 1377 г., либо как свод 1377 г., созданный Лаврентием и его заказчиком, епископом Дионисием²⁵, – гипотеза остается неизменной, сохраняя свою убедительность.

На этом фоне не выглядят произвольными суждения В.Л.Комаровича о создании Лаврентьевской летописи в Благовещенском монастыре. Отметив, что в «Похвале Юрию Всеволодовичу», автором которой ученый считал составителя летописи, упомянут «только нижегородский Благовещенский монастырь», ученый продолжал: «Для такого предпочтения повод мог быть только в принадлежности к братии этого монастыря самого Лаврентия. Рассказ же о начале того монастыря, где составлялась летопись, хотя бы и в краткой форме простого упоминания, был, как известно, у русских летописцев в обычае издавна». Основанный в 1221 г., но впоследствии пришедший в упадок, Благовещенский монастырь «был восстановлен заново, как раз незадолго перед 1377 г. ... Это восстановление древнейшего из монастырей новой столицы не обошлось без обычного в таких случаях в древней Руси литературного начинания: в монастыре завелась летопись»²⁶.

И далее В.Л.Комарович развил свою мысль: в сводах, отразивших областное летописание XV-XVI вв., «есть ряд известий, которые указывают, что, действительно, нижегородский Благовещенский монастырь был средоточием суздальско-нижегородского областного летописания той самой эпохи, когда жил и трудился один из его монахов, «писатель» названной его именем Лаврентьевской летописи. А так как прославление лица, построившего тот монастырь, где велась данная летопись, тоже было в обычае у русских летописцев издавна, то этим, отчасти впрочем, объясняется и повышенное внимание Лаврентия к Юрию Всеволодовичу»²⁷.

²⁵ По этой проблеме существует обширная литература (важнейшие публикации см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI-первая половина XIV в. Л., 1987. С.245). Парадоксально, что две взаимоисключающие версии – о Лаврентьевской как копии свода 1305 г. или оригинальном своде 1377 г. – при нынешнем состоянии источников имеют равные права на существование и не могут быть ни вполне доказаны, ни вполне опровергнуты. Увы, вероятность обнаружения новых источников XIV в. ничтожно мала.

²⁶ Комарович В.Л. Литература Суздальско-Нижегородской земли XIV в., с.92.

²⁷ Там же, с.93. К сожалению, В.Л.Комарович не указал сами известия сводов XV-XVI вв., связанные с Благовещенским монастырем. В перечисленных им Симеоновской, Рогожской и др. летописях это, по-видимому, сообщение об оползне у монастырской слободы под 6878 г., а также, возможно, о налете ушкуйников под 6874 г. (см.,

В целом доводы В.Л.Комаровича, опирающиеся на глубокий анализ летописного текста, выглядят весьма убедительно. Что могут противопоставить этому многочисленные сторонники версии о составлении Лаврентьевской летописи в Нижегородском Вознесенском Печерском монастыре? Им приходится опираться, по сути, только на одно соображение: епископ Дионисий, благословивший Лаврентия на написание рукописи 1377 г. и весьма вероятный вдохновитель его труда, был когда-то основателем и первым архимандритом Печерской обители. К братии этого же монастыря принадлежал и Павел Высокий, которого летопись называет «книжным, грамотным, чюдным старцем», «книжен бысть велми и философ велий»²⁸. Однако, во-первых, книжное наследие Павла Высокого науке неизвестно, а во-вторых, утверждения о его участии в работе над Лаврентьевской летописью абсолютно голословны. Из того, что Дионисий до поставления на епископскую кафедру был печерским архимандритом, отнюдь не следует, что все книжники, работавшие по благословению владыки, непременно были иноками именно этой обители. Так, например, хорошо известны Дорофей Суздалец и Малахия Философ, авторитетные книжники из окружения Дионисия²⁹, но они не имели прямого отношения к Печерскому монастырю, - как мог не иметь его и Лаврентий.

Видимо, понимая неубедительность такого довода, Б.М.Клосс попытался для доказательства создания Лаврентьевской летописи в Нижегородском Печерском монастыре опереться на свидетельство «Большаковского сборника», известного в двух списках. Возражая в предисловии к переизданию летописи против версии о том, что монах Лаврентий свой труд писал во Владимире, ученый пишет: «...Обнаруживаются явные следы нахождения Лаврентьевской летописи в XVII в. в нижегородском Печерском монастыре, где она была непосредственно использована при составлении особого Печерского летописца». Далее Б.М.Клосс сообщил два известных ему списка «Большаковского сборника», а завершил привычным рассуждением: «Если учесть, что Дионисий до своего поставления в епископы был архимандритом именно Печерского монастыря и что в этом монастыре летопись Лаврентия сохранялась вплоть до XVII в., можно с полным основанием предположить, что великокняжеский свод был переписан в 1377 г. в нижегородском Печерском монастыре местными монахами»³⁰.

Доказательство Б.М.Клосса, которому автор постарался придать видимость научности (еще бы, со ссылками на рукописи!), утрачивает эту видимость при знакомстве с самими рукописями *de visu*. В том-то и дело, что

соответственно: ПСРЛ. Т.ХVIII. СПб., 1913. С.110, 104; Т.ХV. Вып.1. Пг., 1922. Стб.147, 81.

²⁸ ПСРЛ. Т.ХV. Вып.1. Стб.147; Т.ХVIII. С.134 (обе – под 6890 г.); Т.ХI. СПб., 1897. С.83 (под 6891 г.).

²⁹ См. о них: Словарь книжников и книжности

³⁰ Предисловие издателя // ПСРЛ. . Т.I. Изд.2-е. М., 2001. С.Н-I (латинской пагинации).

слова «Летописец Печерский» - или, если уж быть совсем точным, «Выписано из Летописца Печерского» - относятся не ко всему «Большаковскому сборнику», и не к известиям, прямо перекликающимся с текстом Лаврентьевской летописи. Указанный заголовок (РГБ, ф.37, № 97, л.175об «Выписано из Летописца Печерского. Начнем повесть сию убо вкратце да скажем» Нач.: «По потопе Ноеве умножившимся человеком на земли...») предшествует помещенным в «Большаковском сборнике» выдержкам из «Повести временных лет». А она, как известно, действительно написана в Печерском монастыре – но только не в Нижегородском, а в Киевском³¹. Добавим к этому: среди статей «Большаковского сборника» (и в первой, и во второй частях) нет ни одного известия, повествующего о Нижегородском Печерском монастыре, его основании, первых годах существования, первых постриженниках и т.п. – что нелогично, будь летописец составлен в этой обители. О Дионисии Суздальском, основателе монастыря и местночтимом нижегородском святом, здесь упомянуто вскользь, в выписках из общерусских сводов. Поэтому «Большаковский сборник» ни в коем случае не может служить ни доказательством причастности печерских монахов к составлению Лаврентьевской летописи, ни вообще подтверждением летописной работы в этой обители. В итоге версию Б.М.Клосса необходимо решительно отвергнуть как ошибочную³².

А вот текстологические наблюдения В.Л.Комаровича о возможности составления Лаврентьевской летописи в Нижегородском Благовещенском монастыре можно, на наш взгляд, существенно дополнить. Во-первых, этот монастырь упомянут в Лаврентьевской летописи не только в составе «Похвалы Юрию Всеволодовичу», но и в известии под 6737 (1229) г.: «Придоша мордва с Пургасом к Новугороду, и отбишася их Новгородци, и зажегше манастырь святое Богородици и церковь, иже бе вне града»³³. Есть все основания видеть в упомянутой богородичной обители Благовещенский монастырь, который действительно находился «вне града», со стороны тогдашних мордовских земель. Весьма вероятно, что он был не единственным объектом, разоренным нападавшими, поэтому выделение монастыря из общего перечня потерь выглядит симптоматичным.

Во-вторых, есть косвенное свидетельство о ведении нижегородского летописания именно в Благовещенском монастыре. Предпринятый нами текстологический анализ поминальной статьи нижегородских князей в монастырских синодиках показал, что существовало три редакции

³¹ Ср. хорошо известные и не раз публиковавшиеся начала, например, в Радзивилловском, Академическом, а также в Ипатьевском списках «Повести временных лет», где есть указания на «черноризца монастыря Печерьскаго» - но монастыря, разумеется, «Феодосьева».

³² В последние годы ряд ошибочных утверждений Б.М.Клосса вызвал появление полемических статей. См., например: Кучкин В.А. Антиклоссицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2002. № 2 (8). С.113-123; № 3 (9). 121-129.

³³ ПСРЛ. Т.1. Стб.451.

великокняжеского синодика. При этом та редакция, которая сохранилась в синодике Благовещенского монастыря, наиболее точно следует нижегородскому великокняжескому летописанию – и в перечне имен князей, и в порядке их следования. По отношению к Благовещенской редакции поминальной статьи тексты в синодиках Нижегородского Печерского монастыря и близких к ним списках явно вторичны, а текст в синодике Спасо-Преображенского собора восходит к Печерской редакции поминальной статьи и составлен не ранее середины XVII в.³⁴ Близость именно Благовещенской (а не Печерской или Спасо-Преображенской) редакции синодика князей к нижегородскому великокняжескому летописанию, на наш взгляд, следует рассматривать как косвенный довод в пользу гипотезы о причастности благовещенских монахов к летописанию в XIV в.

Если же брать внешние особенности рукописи Лаврентия, то здесь есть неопровержимое свидетельство хранения летописи именно в Нижегородском Благовещенском монастыре. Дело в том, что на лицевой стороне л.1 рукописи Лаврентия сохранилось две владельческие записи. Как известно, текст летописи начинается с л.1об., а лицевая сторона л.1 оставлена чистой и заменяла обложку (видимо, кодекс первоначально не имел переплета). В результате лицевая сторона л.1 в научных изданиях, естественно, не публиковалась, а потому, как правило, не привлекала внимание исследователей. Обе написанные на ней владельческие записи сильно повреждены из-за трения кодекса о поверхность, так что полностью оказалась прочитана лишь упоминавшаяся выше запись: «Рождественсково манастиря Володимерскаго», наиболее вероятная датировка которой по палеографическим признакам – первая половина XVII в. Но есть и более ранняя запись, долгое время остававшаяся незамеченной учеными. Эту владельческую запись впервые ввел в научный оборот Г.И.Вздорнов; она была учтена при подготовке «Сводного каталога славянорусских рукописных книг XIV в.»³⁵. Запись эта настолько повреждена, что сохранились лишь несколько букв: «...л[а?][.]ов[.]ще[.]ск...». Тем не менее, уцелевшие буквы позволяют безошибочно узнать здесь владельческую запись Благовещенского монастыря, датируемую по палеографическим признакам XVI в.

Подведем итоги исследования. Текстологический анализ, начатый В.Л.Комаровичем, подтверждает особое внимание составителя Лаврентьевской летописи к Нижегородскому Благовещенскому монастырю. Владельческая запись на самой рукописи Лаврентия указывает на ее хранение в этом монастыре. Наконец, есть косвенные свидетельства

³⁴ Подробнее см.: Пудалов Б.М. Синодик нижегородских князей (опыт реконструкции) // Памятники христианской культуры Нижегородского края. Н.Новгород, 2001. С.8-22.

³⁵ Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. М., 1972. Описание рукописей, № 100. Благодарю А.А.Турилова, обратившего мое внимание на эту запись.

причастности благовещенских монахов к нижегородскому великокняжескому летописанию XIV в. Взятые в совокупности, эти факты позволяют достаточно убедительно полагать (на уровне научной гипотезы), что Лаврентьевская летопись создавалась в 1377 г. в Нижегородском Благовещенском монастыре.

Дальнейшую судьбу рукописи Лаврентия гипотетически можно представить следующим образом: кодекс хранился в этом монастыре до XVI в. В этот период с рукописи был сделан список, легший в основу «Большаковского» летописного сборника, сохранившегося в двух списках: судя по особенностям текста, воздействие Лаврентьевской летописи на этот сборник все же опосредованное, но количество промежуточных списков минимально. На рубеже XVI-XVII вв. (но не позднее 1616 г.) рукопись 1377 г. оказалась в распоряжении Алексея Федорова сына Зубатого, костромского служилого человека нижегородского происхождения, который, судя по его записи, был не владельцем, а читателем рукописи. Далее, в XVII в. рукопись Лаврентия оказывается принадлежащей Рождественскому монастырю во Владимире-на-Клязьме. Была ли она перевезена из Нижнего во Владимир тем же А.Ф.Зубатым или его родней через Кострому, либо попала туда другим путем – можно только гадать. В XVIII в. памятник обнаруживается в Новгородской духовной семинарии и затем становится известен ученым.

На наш взгляд, заслуживают дальнейшего самостоятельного изучения обстоятельства пребывания Лаврентьевской летописи у А.Ф.Зубатого, а также литературная история «Большаковского» летописного сборника, с выявлением всей его рукописной традиции³⁶. Что же касается попыток использовать Лаврентьевскую летопись как источник для реконструкции языковых особенностей нижегородцев в XIV в., то здесь надо быть сугубо осторожным в суждениях: неизвестно, был ли Лаврентий и два других писца кодекса коренными нижегородцами и носителями местного диалекта.

³⁶ Как следует понимать запись А.Ф.Зубатого, что он «прознаменовал» рукопись Лаврентия, «писал и сам над нею сидел»? Размечал ли он текст для последующей переписки? Не был ли в этом случае А.Ф.Зубатый инициатором создания протографа «Большаковского сборника»? Строго говоря, самые поздние статьи в составе данной компиляции ограничиваются 1605 г., то есть хронологически не выходят за пределы времени смерти А.Ф.Зубатого. Либо он что-то помечал, выявляя различия, – но с чем? Была ли ему известна, например, Ипатьевская летопись? Ответов на эти вопросы пока нет.